

graffiti

Х Борис ХЕРСОНСКИЙ

граффити

Кабы *не* радуга

 FOLIO

Борис Григорьевич Херсонский

Кабы не радуга

Серия «Граффити»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18347194

*Кабы не радуга: Фолио; Харьков; 2015
ISBN 978-966-03-5101-1, 978-966-03-7174-3*

Аннотация

В сборник «Кабы не радуга» вошли избранные стихи прошлых лет и написанные в последние два года. Их главный герой – время, история, пласты которой наслаиваются один на другой и предстают в парадоксальном смешении.

Для поэзии Б. Херсонского также характерны библейский подтекст, христианские и иудейские мотивы. Мифологические герои живут рядом с реальными людьми и оживают в тех стихах, которые сам автор называет «биографической лирикой».

Название этого сборника связано с библейской Книгой Бытия, где радуга символизирует завет между Богом и Ноем: нового потопа уже не будет.

Это обещание, обетование звучит на фоне трагических событий последних лет, которые наполнены тревожным ожиданием.

Ряд стихотворений последних лет публикуются впервые.

Содержание

«Кабы не радуга, давно бы новый потоп...»	7
«Погружаешься в ночь, как в темную воду морскую...»	9
Эвакуация	11
«Межсезонье, межвременье. Из разлома...»	12
«„Подойди к продавщице, скажи: „гондон“...“»	14
Я поймал трилобита!	15
"До того как Серега превратился в автомобиль..."	18
"Беззубый безумец Шапиро идет, прижимая к груди..."	20
Одесса, июль 1954	21
"Если б мне отрезало ноги, я бы уехал в США..."	23
"Что за гнутая медная труба над каменноугольным лесом..."	25
"По сторонам экрана – два кумачовых пятна..."	27
"Наш-то город, который и раньше был мал..."	29
"В садах кутили без опаски..."	31
"И сделался великий гул..."	33
Воскресение Христово	34
"Вот и голос пресекался. Голос пресекался. Грудь..."	36
"Жизнь тебе никогда не казалась медом..."	38

Колбаса "Ностальгия"	40
Вокзал	44
"Ему было меньше двенадцати лет, когда..."	48
"Храм называется ступа. В храме, что в ступе пест..."	50
"Все о том же, о том же, как написала Линор..."	52
"В день Благовещенья, не выходя из дома..."	54
"Как одиноко город сидит..."	56
"Направленье и скорость бегства..."	58
"Семь старцев медленно к Храму идут..."	59
"И чего ты хотела, произнося..."	61
"Ближе к старости, особенно по утрам..."	63
"Разбитые зеркала – это будет потом..."	65
"Святая земля состоит из святых..."	67
"На плоскую крышу дома жертвенный свет луны..."	69
"Отбросы, обноски, обломки..."	70
"Дворик, вместившийся в рамках оконных..."	72
"Не лягу спать в одном шатре..."	74
Войнушки	76
"Удушающий аромат..."	78
"Жили совсем недавно Абрам и Сара..."	80
"...Доколе облако не взяло Его из вида их..."	82
"Стоит корыто, другим накрыто – цинковый гроб..."	84
"При скончании века, на его острие..."	85

"Сцепление, расхождение, сплетение..."	87
"И еще, закрыв глаза, представляешь лазурные воды..."	88
"Средневековые бывает довольно часто..."	89
"Старик ударами каблука..."	91
"Вот Сатана. Он едет верхом..."	92
"Во времени, как и в пространстве, есть святые места..."	94
"Улочка слишком узка. Когда из окна..."	95
"Человек никогда не бывает один. Рядом..."	97
"Если стремишься к Богу, тело само по себе..."	98
"Нет, это не жизнь. Скорей – удачный эскиз..."	100
"Это стихи об отсутствии времени. Вот актер..."	102
"Статуя в нише. Витраж в окне. Пейзаж или портрет..."	104
"Домино со стуком вываливают на стол..."	106
"Глобальное потепление. С каждым днем становится жарче..."	108
"Двор с деревянным поясом галереи..."	110
"надувает мальчик иллюзию страхом смеется..."	111
"При коммунистах здесь был спортивный зал..."	112
"из обломков самовластья можно как пазл сложить..."	114
"Не видно, не слышно тебя. Как ты сумел..."	116
"вот и пришел к нам зверь от хвоста до носа измерь..."	118

"вот сказали умер и мощной рукой вознесен..."	119
"Небо – каменная защита от огненных стрел..."	121
"Темнеет. Земля отдает накопленный жар..."	122
"У покойного дядюшки Хо в племянниках весь Вьетнам..."	124
"Чем больше веришь, тем меньше видишь, и ладно..."	126
"Ей сто десять лет..."	127
"У Фиры лицо доброе, а сердце злое..."	128
"«Не хочешь – не надо!» – говорит мама..."	130
"Как река разветвляется в устье, в конце пути..."	132
"Тому, кто умер в годах предвоенных..."	133
"Вагончики фуникулера, красно-желтые, еще те..."	135
"Школьный двор. Как положено, во дворе..."	136
"Родство горних сфер и горных пород..."	138
"До сих пор ей снится эта старуха и дом..."	139
"вечная жизнь переписана набело без помарок..."	141
"Десять месяцев под землей в забое..."	142
"набережная крепостная стена в постоянной осаде..."	143
"Перводвигатель неподвижен, но все приводит в движенье..."	144
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Борис Херсонский

Кабы не радуга

Избранное и стихи

последних лет

«Кабы не радуга, давно бы новый потоп...»

Кабы не радуга, давно бы новый потоп
покрыл бы землю. Но вместо ковчега
несколько авианосцев метались бы в поисках берега.
Но тем и плоха вода, что нет в ней проторенных троп.

И не голубь с вороном, а самолет-разведчик,
в котором, сжавшись в комок, маленький человечек
смотрел бы вниз – хоть какая вершина из-под воды!
Хотя бы верблюжья двугорбого Аарата,
к которой Ной причалил когда-то. Дата
неизвестна, а волны смывают следы.

Подводные лодки с ненужным оружием проплывали бы
над городами и иногда задевали бы

днищем шпили соборов, открывалась бы течь,
но у атомных лодок плавучесть, живучесть,
автономность – короче, у подводников лучшая участь.
Но после потопа все мы подводники, и не об этом речь.

Важно, что никакая беда не постигнет военных,
летчиков, моряков, плененных и убиенных,
глядящих в бинокли, выставляющих перископ.
Тем более, Бог постоянно милость являет:
расходятся облака и радуга в небе сияет,
обещая все что угодно, но не новый потоп.

«Погружаешься в ночь, как в темную воду морскую...»

Погружаешься в ночь, как в темную воду морскую,
теплую, искрящую из-под ладоней.

Ребристый песок под стопой. Жаль, небеса бездонней,
чем любой водоем. Мы получили такую
жизнь, что ни в сказке сказать, ни в передовице,
ни пером, ни кастетом, – короче, есть чему подивиться.

Есть чему подивиться, проглотить, да не подавиться.

Потому что тьма над головой и под ногами.

Враг врагу говорит, прощаясь: расстанемся, блин,
врагами.

В аду играют в черт-нечерт копытами и рогами.

В городах говорят стены, окна, витрины:
что мы будем делать, когда будем руины?

Когда сложимся внутрь и укроемся облаком пыли,
кто поверит, что мы действительно были?

Но тепла вода беспросветных ночек,
тают куколки восковые в руках матерей-одинок.

Не ешь меня, серый волк, оставь вдовице кусочек.

Темна и тепла вода, рожденная до начала,
когда не было тверди небес, ни города, ни причала,
ни корабля. Был белый бычок. Не хвост, а мочало.

Он стоял посреди мирозданья в воде по колению,
шевелил ноздрями, чувствуя запах тлена,
жевал свой хвост, мотал большой головою,
он хотел бы, чтоб хвост был зеленой травой
на зеленом лугу, но нет ни травы, ни луга.

Тьма небесная в тьму морскую глядит:
они узнали друг друга.

Эвакуация

Просто бежать в толпе. Запрокинув лик,
подавившись криком, выдавливая крик.
Просто дышать в толпе, под звуки сирен,
все равно куда – на палубу судна, давшего крен,
просто лежать в толпе, дышать без оглядки, хрен
знает куда – в порт – чемоданы, узлы, платки,
плывущие на поверхности ревущей людской реки.

Бежать рядом с бабой, младенца к груди,
полный вперед, понимая, что худшее – впереди.
Дышать в толпе, тебя уже не найдут, и сам
никого уже, лица направлены к небесам.

Расширенные зрачки. Крик, застрявший во рту.
У причала кренился на бок железный ковчег.

Завтра газеты напишут о давке в порту.
Погибло около ста сорока человек.

«Межсезонье, межвременье. Из разлома...»

Межсезонье, межвременье. Из разлома
тянет холодом. Зябко. Но это лучше, чем лава
или серный дым. Приехали. Вот мы и дома.
Двойные рамы. Валерьянка с примесью брома.
Мама нюхает рюмку и говорит: «Отрава».

Кот считает иначе. Он выгибает спину,
прыгает на буфет. Смотрит преданно на аптечку.
Пятидесятые годы! Я вас никогда не покину.
Свет вырубают. Капельки стеарина
стекают в граненый стакан. Сквозняк задувает свечку.

Военная форма в шкафу. Вечная слава
в виде ордена Красной Звезды и медали
«За оборону Кавказа». Пустая оправка
от пенсне покойного деда. «Не имеете права!» —
кричит сосед в коридоре. В гробу видали
мы этого крикуна. Но это случится позже,
лет через десять. Искусственный спутник где-то
дырявит темя морзянкой. Мороз по коже.
«Он уже знает все. С ним надо построже».
«Не входи сюда! Ты видишь, я не одета!»

Как не видеть! Грудь вываливаются из корсета.
Пусто в душе. Перед глазами все то же.

Вчера закончился век.
Завтра закончится жизнь.
Сегодня закончилось лето.

«„Подойди к продавщице, скажи: „гондон“...“»

"Подойди к продавщице, скажи: "гондон",
это просто такое слово, пойдди, скажи".
Я подхожу к лотку и говорю: "бидон".
Ложь порождает ложь. Жизнь состоит из лжи.

"Если в нее помочиться, живот разнесет
и родится ребенок. Вот, журнал посмотри,
как это нужно делать. Только сопли утри".
Саша, Петя и Феликс. Никто меня не спасет.
Нет, не смотри, беги —

это твои враги.

В чем отличие кита от рыбы? Не отвечай.
Они над тобой смеются. Господи Боже мой!
Дома готовят обед. На примусе греют чай.
Мама кричит в окно: "Боря! Пора домой!"

Я поймал трилобита!

Он задерживает дыхание и ныряет.
Песчаное дно, ребристое, среди песка
заметны обломки раковин, небольшие камни,
покрытые водорослями. А это
что такое? Какие-то мелкие существа,
похожие на мокриц, разделенные на три части,
снуют, что твои муравьи. Зеленоватый панцирь.
Так это же трилобиты! Ископаемые создания,
считается, что они навсегда исчезли,
но вот же они, кишмя кишат, хватай, сколько хочешь!

*

Открытие. Мировая слава. Мальчик,
зажав трилобита в руке, выходит на берег.

Боже, как все изменилось! Пляж пустынен.
Ни мамы, ни бабушки. Ни домов, ни деревьев.
Скалы, песок, невиданные растения,
коленчатые, розоватые стебли, стоящие вертикально.
Листьев нет. Понятно. Мальчик как-то
попал в доисторическую эпоху,

где завались трилобитов, медуз, аммонитов,
но ни мыши, ни кошки, ни тем более человека.

Мальчик, рыдая, бросает в море свою находку.
Она никому не нужна, он никому не нужен.

Никому не нужен, совсем никому не нужен,
Боже, как темнеет перед глазами.

*

Но вот свет возвращается. Он видит небо,
нескольких чаек. Его голова седая
лежит на коленях жены. Над ними склонился
парень в оранжевой куртке. Ясное дело.

Парень спрашивает: сир, ну как вы?
Он улыбается и отвечает: уэлл, кол беседер.

Жена говорит: с ним это бывает,
скоро все пройдет. Парень отходит.

Но если состояние будет критическим, нужно
позвать его, он вызовет эмбюленс. Впрочем,
какая там скорая? Нет страховки,
а с врачами в этой стране, должно быть,
за всю жизнь не рассчитаешься. Суки.

*

Взявшись за руки, двое уходят.

Песок обжигает ноги.

Теперь тебе лучше, милый? Да, полегчало.

*

Мальчик, сжав кулачок, бежит по пляжу.

– Мама! Я поймал трилобита! Я поймал трилобита!

"До того как Серега превратился в автомобиль..."

До того как Серега превратился в автомобиль,
мощный "пежо", о котором мечтать не мог,
он был ковром. Из него выбивали пыль.
Складывали в сундук. Защелкивали на замок.

Он был незряч. Но все же легко различал
наклеенные картинки из ранних времен.
Пароход "Маврикий" покидает одесский причал.
Царь Александр Третий на фоне трехцветных знамен.

Казак Крючковъ рубил немчуру в куски.
Носатый с пейсами спаивал русского, гад.
Если бы не картинки, Серега бы сдох с тоски.
А так лежал, свернувшись ковром, и был даже рад

спокойствию и темноте. Потом случился пожар.
Ковер ничего не чувствовал, но знал, что сгорел.
На миг Серега прозрел. Он был радужный шар,
летевший над грудой обугленных мертвых тел.

Потом все снова исчезло. Утро было свежо.
Кто-то громко смеялся. Где-то хлопнула дверь.
Тихий голос сказал Сереге: "Будешь черный "пежо".

Это классная тачка. Что, доволен теперь?"

"Беззубый безумец Шапиро идет, прижимая к груди..."

Беззубый безумец Шапиро идет, прижимая к груди
пару-тройку бесценных старинных томов.
Узнавая меня, машет рукой: заходи!
Хоть на пару минут заходи, хоть на тройку слов.

А я б и зашел, да больно квартира тесна,
от двери к дивану прорыто нечто вроде тропы.
Все заполнено книгами. Даже проем окна
наполовину заставлен. Нечто вроде толпы

бесцельных, бессмертных мыслей стоит вокруг
убогого ложа, застланного тряпьем.
Я бы зашел к тебе, мой безумный друг, —
жаль, что в доме твоём нечего делать вдвоем.

Впрочем, несколько лет у него жила медсестра
все из той же больнички для лишенных ума.
Глядя на старые книги, она говорила: "Пора
это убрать к чертям". Но убралась сама.

Одесса, июль 1954

Блеклый небосвод, неприбранный сад.
Настежь веранда. Семья у стола.
Пыльные портьеры вдоль окна парусят,
чайник остывает, и клеенка сползла.

Споров затейливые кружева.
Сплошь недомолвки. Как береглась
тайна! Почти непонятны слова,
но жесты не укрывались от глаз.

Тайна гнездится в скопленье забот,
в стопке газет, в шепотке по углам.
Бабочка летит на зеленый забор,
садится и складывается пополам.

Изнанка крыльев. Зубчатый край.
Такие же листья. Цветное стекло.
Плетеные кресла, встревоженный рай.
Все это в движенье – и все прошло.

О чем в пятьдесят таком-то году
спорили те, кто сегодня мертвы?
Какие надежды в дачном саду
кружились поверх моей головы?

Мы детям своим задаем теперь
те же загадки. Проснувшись в ночи,
я вспоминаю: распахнута дверь,
дедушка в кителе из чесучи,

круглые, в тонкой оправе очки,
на переносице тонкий след.
Прошлое сузилось, как зрачки,
когда в лицо направляют свет.

"Если б мне отрезало ноги, я бы уехал в США..."

"Если б мне отрезало ноги, я бы уехал в США".
Странная логика. Додик повторял это тысячу раз.
Папиросы в кармане, в спичечном коробке анаша.
Синие джинсы "Вранглер". По тем временам – класс.

Его доконал диабет. Ампутация стоп.
С эмиграцией торопились, но очередь не дошла.
Был компьютерный номер, но сердце сказало "стоп".
Скорая опоздала. Опоздала – и все дела.

Десять лет спустя из Чикаго приехал брат.
Он хотел разыскать могилу. Задача была – пустяк.
Известно название кладбища, участок и даже ряд.
Но в Одессе он встретил девушку. И все наперекосяк.

Две недели они гудели. Принимали до литра на грудь.
Превратили квартиру в бедлам. Там не осталось мест,
не запятнанных спермой. Брат пустился в обратный путь,
она через год в Варшаве получила визу невест.

О покойном. Однажды на пьянке под Новый год
он буквально взбесился. Вскочил и начал пинать
ногами кого попало. Его скрутили. Народ

кое-как успокоился. А я пытаюсь понять,

как рыхлый еврейский парень каблуками модных сапог
смог в новогодний вечер, напившись в дым,
вставить под ребра каждому, кто не лишится ног,
не будет хвататься за сердце, не умрет молодым.

"Что за гнутая медная труба над каменноугольным лесом..."

Что за гнутая медная труба над каменноугольным лесом
отворяет динозаврам гроба! Земля продавлена весом
огромных лап, да и хвост неслаб. В классе висит таблица,
с нее глядят первобытные лица членов ЦК. Легко
ошибиться.

Мальчик ломает пирожок, выедает начинку.
Душа материальна. Только прозрачна и весом в пушинку.
Прохудились туфли. Пора отнести в починку.

Сапожник держит гвозди в зубах, молотком колотит,
что динозавры вымерли, его совсем не заботит.
Обувка растянута на деревянной колодке,
перхоть летит из чахлой бородки.
Человек легко растворяется в бутылке "Московской"
водки.

В каменной скорлупе – зародыш-окаменелость.
Мальчику трудно ходить: в паху опрелость.
Он мечтает: его награждают за смелость

при поимке ящера орденом или медалью.
За ним приходит бабушка, обмотанная серой шалью.

Говорит: не водись со всякою швалью.

Всякая шваль смеется, в мальчика пальцами тычет:
"Бабушкин внучек!", мальчик тихонько хнычет.

Денег в доме – ноль: папа зарплату нычет.

Папа зарплату нычет. Папа на сторону ходит.

Сторона раздевается, белые ноги разводит.

Им двоим плевать, как много угля страна производит.

Что им до того, что на черных пластах отпечатки
невиданных листьев и крыльев, ребер или лопатки,
между пальцев кожистых – перепонки тонкие складки.

По путям развития жизни. Таково название книги.

Счет сначала на миллионы лет, позднее – на миги.

Эволюция – та же юродивая: звенят кресты и вериги.

Эволюция – та же юродивая, ходит по вечному кругу,
бабушка мальчика через дорогу ведет за руку.

Каменные эпохи застыли спиной друг к другу.

"По сторонам экрана – два кумачовых пятна..."

По сторонам экрана – два кумачовых пятна.
Расслабляясь, взор не достает до конца строки.
Читается вроде "Искусство принадлежит на..."
или "Из всех искусств важнейшим является ки..."
Гаснет свет. Что-то вроде жужжания веретена.
Пылинки в луче. "В бой идут одни "старики"".

Но это – чуть позже. Покуда – "Новости дня",
давно прошедшего. Женщина слева пьяна.
Шепчет под нос: "Такая фигня, такая фигня!"
Откуда-то мне знаком запах дрянного вина.

Передо мной – два банта в основании тонких кос.
Это Мила. Мальчик из пятого "б" с ней.
Я еще не знаю, что запах мыла и запах волос —
разные вещи. Но сердце бьется сильней.

Я знаю шутку: "Кина не надо, тушите свет!",
но не знаю ее значенья. На экране идут бои —
черно-белые, плоские. Чтобы понять сюжет,
нужно твердо знать, где немцы и где свои.

Если б ранили Милку, я был бы врач, чтоб ее спасти.

Был бы ранен сам – она, медсестра, спасла бы меня.
Кулечек тыквенных семечек. Лушпайки в потной горсти.
Шепот старушки: "Такая фигня! Такая фигня!"

"Наш-то город, который и раньше был мал..."

Наш-то город, который и раньше был мал,
нынче вовсе сгорбился, спекся, сжался.
Горожане хворают. Кто-то хребет сломал.
Кто-то желудком слаб. Кто-то умом помешался.

Кто хребет сломал, того в коляске везут.
Снизу вверх он глядит на везущего взглядом кротким.
Кто желудком слаб, тот тянет ночной сосуд
за собой, как щенка на поводке коротком.

Кто умом помешался, тот ходит одет кое-как,
приволакивает стопу, опираясь на буковый посох.
То лицо запрокинет, за чем-то следит в облаках,
то согнется к земле, чего-то ищет в отбросах.

Три столетия назад городок захватил дракон.
Змей немного состарился. Часто бывает в храме.
Зажигает свечи. Подолгу стоит у икон,
одна из которых – его портрет в золоченой раме.

Каждый год он просил девицу. А девицу не привели.
Вызывал Ивана на бой. А Иван лет пятьсот как помер.
Государственный гимн – колыбельная "Ай-люли,

нашу деточку загребли". Пыль. Инвентарный номер.

Все сознались во всем. Пребывание на цепи стало общей повинностью. Там, в тюремном подвале, десять лет хочешь – просто спи, хочешь – носом сопи. Все там будем. Или уже побывали.

По ночам дракону не спится. Что-то неладно в груди. Неужели сердце? А доктор сказал – усталость. Из сада слышится окрик: "А ну, злодей, выходи!" Дракон спускается в сад. Никого. Опять показалось.

"В садах кутили без опаски..."

В садах кутили без опаски,
но близился последний миг.
Не стали Трое ждать развязки
и пробирались напрямик.

Три их прозрачных силуэта
в один сияющий слились,
и треугольный сгусток света
беззвучно поднимался ввысь.

Внутри Него открылось Око,
и все предстало перед Ним,
и вспомнил Он, как одиноко
втроем идти путем земным.

Дворы, поросшие травой,
и обмелевшая река.
Старик качает головою,
лопочут слуги старика.

На груди стружек и опилок
теленка с меткою на лбу
свалили обухом в затылок,
веревкой прикрутив к столбу.

А дальше открывалась взору
гора. Он ясно видел гору
и дальше, сквозь масличный сад,
он видел городскую стену
и за стеной – угрюмый град,
где все друг другу знают цену
и бражничают все подряд.

Сияет тускло позолота
и окна спящие черны.

И – взрыв. Вдали – фигура Лота
на фоне огненной стены.

"И сделался великий гул..."

И сделался великий гул.
И языки огня спустились
на их главы. Господь взглянул
на верных слуг. Жизнь распрямилась.

И, как ручьи в один поток,
слились наречья. Весть благая
понятна, в каждый уголок
ума свободно проникая.

Охапка ароматных трав
и полевых цветов напомнит,
кто обновит в тебе дух прав
и сердце чистотой наполнит.

Охапка ароматных трав.
Земля качнулась под стопою.
Как донести, не расплескав,
вину свою перед Тобою?

Воскресение Христово (*мироносицы у гроба*)

К пустому колодцу люди за водой не идут,
согласно народной мудрости. Но я оказался тут,
у провала, где зачерпнуть можно только одно:
лызг пустого ведра, ударившегося о дно.

Этого мне и надобно, чтоб по застывшим губам
легко струилось ничто с небытием пополам,
ибо душа, в отличие от потока, должна
знать название моря, куда впадает она, —

в отчаянье для начала, двигаясь под уклон
в тесном скалистом русле, не встречая особых препон,
отражая фигуры женщин, которые скорбно несут
наполненный ароматами драгоценный сосуд.

Я знаю, они повстречают двух крылатых мужей,
чьи перья грозно сверкают, как лезвия ножей,
и ослепляющий свет им просияет в ответ
на безмолвный вопрос: "Не ищите, Его здесь нет!"

Видите плат на камне и гробные пелены,
величием Его отсутствия как елеем напоены?
Камень в полночь отвален, и пещера пуста.

Так почему ты печален, не нашедший Христа?"

"Вот и голос пресекася. Голос пресекася. Грудь..."

Вот и голос пресекася. Голос пресекася. Грудь
(ссылка на Тютчева) пуста, как лютеранский храм.
Высокие стены не могут ни выдохнуть, ни вдохнуть.
Вера в последний раз, собираясь в путь
(ссылка на Тютчева), хлам пакует – с грехом пополам.

Это начало марта. Корочкой слюдяной
с утра затянуло лужи. Позже поверхностный слой
земли прогревается. Проглядывает трава
прошловечная – сквозь прошлогодний снег
серый, последний. И вместе с ней,
уцелевшей травой, проясняется синева.
Как будто партия (наш рулевой) запустила над головой
спутник с двумя собачками. Ты стоишь сам не свой.
Скоро каникулы. Мама еще жива.

Как будто не стерся номер трехзначный, что на руке
в очереди написан химическим карандашом.
Твой порядковый номер. На хлебе и молоке
выросло поколение, подсмотревшее, как в реке
прекрасные комсомолки купаются нагишом,
дополнявшее пиво и водку атропином и гашишом.

Выросло поколение, прочитавшее между строк
газеты "Правда", "Известия", отмотавшее срок
в очередях, закаленное в армии, СКБ,
равномерно распределенное по общенародной судьбе.

Их били коленом по яйцам менты, сержанты, деды.
Братался русский с китайцем. Выныривал из воды
крепкий пригожий Мао. Карла-Марла тряс бородой.
И снег, и ветер – все мало. И Ленин такой молодой.

Я тоже пел эти песни. Я навечно в строю
плечом к плечу с чужаками, в не снявшемся нам раю,
где нет ни берез, ни рябины, ни шпионов, ни часовых
у последнего мавзолея, где с каждым годом трудней,
лежа в хрустальном гробу, оставаться в живее-живых.

"Жизнь тебе никогда не казалась медом..."

Жизнь тебе никогда не казалась медом.
Благодари за то, что не стала адом.
Вот парадняк под трехзначным кодом.
Застит небо серым бетонным фасадом
Якира, 24 – пятиэтажка, хрущевка.
Черно-белый пес-полукровка
реагирует на команды "сидеть" и "рядом".

Ластится и скулит лишайная шавка.
Вдали купол под солнцем горит, что на воре шапка.

В детстве мне говорили: ты умрешь под забором
(скажем – урок не выучишь). Вечером, засыпая,
я пытался представить забор, под которым
я перестану дышать. Мерещилась стая
сизарей между светлым небом и тусклым взором.

Или граффити на вертикальных досках:
"Клава Б. – проститутка. Не женитесь на сосках".

Торгует семечками пенсионерка. Крутит кулечки
из тонких страничек Псалтири – подарок миссионера.
Из известковой проклюнувшись оболочки,

улетают птички: ангел, надежда, вера.
На бельевой веревке – ночные сорочки
плюс застиранный галстук юного пионера.

Вскую мятутся языки, племена поучаются тщетным?
Лишайная шавка скулит. Сжальтесь над бедным
животным.

Колбаса "Ностальгия"

Я видел: в казанском кремле снова стоит мечеть.
Я слышал: в Москве не так свободна печать.
Я знаю, что истлевать не страшно ничуть.
Стоит только начать.

*

Были прекрасные времена, лица старцев на стенах
ГУМА, наркотик иль алкоголь в юных прозрачных венах.
"Осторожно: окрашено!" на спинках садовых скамеек.
Пение расклевавших коммунизм канареек.

Экран с гулькин нос расширился за радужной линзой.
Мать возвращалась с Привоза с тюлькой, овечьей
брынзой,
сизой тушкой индейки, редискою и укропом.
Автомат выдавал за копейки чистую и с сиропом.

Все было сжато, зажато, потом изжито,
смолоду смолото, белыми нитками шито,
красною лентой украшено поверх погребальной хвои,
уложено смирно, как Дафнис между ногами Хлои.

Было качание бедер, что ведер на коромысле.
Даже на пьяную голову случались трезвые мысли.

"Сейчас возвратятся предки, давай скорее!"
Только такое и вспомнишь, умирая или старея.
Они никогда не вернутся. Слышишь? Забудь об этом!
Щелчок выключателя. Жизнь озаряется тусклым светом.

*

Колбаса называется "Ностальгия". Чего не придумают.
Блин.

Сырокопченая, с нежным жиром, в естественной
оболочке.

Вот что приберег для граждан расколовшийся исполин
на память о прежней роскоши. В кухне радиоточки
днем с огнем не сыскать. Ни примуса в коридоре,
ни керогаза. Плевать. Переждем. Небольшое горе.

Нарежьте мне ностальгию. Только потоньше. Грамм
сто пятьдесят. Что надменно глядишь, девица,
девушка, девушка в фартучке белом? Нам
больше не съесть, да как бы не подавиться.
Комната в коммуналке. Крюк от проданной лампы
(кажется, в стиле модерн). В тонких рамках эстампы

в стиле соцромантизм. Слева Суздаль, справа тайга.
Антикварный граненый стакан на газете с погасшим
взором
очередного генсека. Соцлагеря берега
расширяются от нагревания. Мир, в котором
нужно бороться за мир, достиг своего предела.
Нескончаем людской поток вдоль нового мертвого тела.

Соблюдайте порядок, гады! В первых рядах —
братские. Дальше – близкие. Британская королева
где-то на заднем плане. Там же – персидский шах.
Порожденья ехидны! Кто вас научил бежать грядущего
гнева?
Всюду венки и ленты. Марш из военной меди.
Где гроб стоял – наструганы ломтики редкостной снеди.

*

НОСОК – Ни Одного Слова О Колбасе.
Название тайного общества. Вроде
говорить больше не о чем. Все
думают только о сексе и о свободе.

Митрополит-замполит отыскал в налоговом коде
число Антихриста-зверя. Заря сияет в росе.

На белом коне гарцует при всем народе

сам Солженицын во всей красе.

Девка-телка-целка сидит на осклизлой дубовой колоде.
Звезда во лбу, палец в носу, месяц в косе.

Жизнь моя на исходе.

Жалко слов. Поверх голов двуглавых орлов
вдвое больше, чем хочется. Неповторимый облик
современника исчезает как в небе облак.

Над всем, Богородице-дево-радуйся, Твой покров.
Сжавшихся, спившихся, сбившихся с панталыку
расширь, протрезви, направь и пречисти – причисли к
лику.

Вокзал

Из трубы паровоза, что из ноздрей лошадиных – пар.
Лицо кочегара растрескалось от жары.
Станционного колокола удар
слышен до сей поры.
Над вокзалом пестрый воздушный шар.
Ваш билет, будьте добры.

По перрону гуляют дамы. Играет струнный квартет.
По стеклу павильона закат расправил крыло.
Скрипочке Гайдна – Моцарта сносует нет.
Везут. Уже повезло.
Стрекот акрид, хор Аонид и парад планет.
Бог. Мировое зло.

За вагонным окном легкомысленный летний час.
Чайная ложка звенит, колотится о стакан.
Спелый персик лежит на салфетке, сочась.
Наган оттягивает карман.
При разделе каждый получит часть.
Динь-Дон. Лебединый стан.

Революция приближается. Привлекательные черты
нового общества юноше застыт взгляд.
Белым цветом усыпанные кусты.

Эдемский-эсдекский сад.
Лепестки в болото из пустоты
бросает маркиз де Сад.

Зевают красавица, откинувшись на диван.
Читает газету, набычившись, господин.
Чайная ложка звенит, колотится о стакан.
Жизнь не щадит седин.
Пролетарий всех стран перечитывает Коран.
Аллах един, но – один.

В первом классе купе, на вечерней жаркой земле,
ты знаешь слова: террор, трибунал, портрет
царя, приговор, слава – в тюрьме, в петле.
Но это пока секрет.
Все сожжено. Не ищите души в золе.
Пожалуйста, ваш билет.

*

Это конечная станция. У нее названия нет.
Просто конечная – в смысле, что дальше путь
обрывается, воздух пустеет и меркнет свет.
Расскажите о чем-нибудь.

Ну хоть бы об этом здании с проваленной кожей,
со вставками закопченного, зачумленного стекла.

Его построил герой, разрушил герой второй,
ночная мгла стерегла.

Что делают эти с баулами и язвами на ногах?
За фанерную выгородкой что кажет глазам экран?
Пустой пьедестал, на нем, прикрывая пах,
когда-то стоял тиран.

Это было славное время. Жаль, что некого расспросить.
Счастье давали по карточкам, где-то по сорок грамм.
Потом, известное дело, лихорадка, красная сыпь,
выстрелы по утрам.

Потом отправляли товары: соль, керосин, табак.
Потом умирали в муках, но боялись кричать.
Потом в железном фургоне увезли бродячих собак,
заперли наглухо двери и наложили печать.

*

Объявляют прибытие. Валятся с верхних полок
с гитарами, рюкзаками, каждый второй – геолог,
каждый третий – биолог, физик, шизик, подлец,
кондуктор.

Весь перрон в цветах. Играет марш репродуктор.

Вот несгораемый ящик разлук моих, встреч, ночевок

на лавках, под взглядом дружинников, среди других заготовок

для производства людей, притон, суровая школа.

Нюське из комкомсомола плохо после укола.

Вот они все собрались – бухой инвалид с кульпяпкой, техничка из сорок девятой со шваброй и мокрой тряпкой, святой Себастьян, как ежик, в тонких пернатых стрелах, несколько тел обнаженных, прокаженных и загорелых.

Считать – не исчислить услуг. Заправка, затравка, вставка

змеек на выбор: гадюка, удав, удавка.

Распродажа газет. Платный клозет. Столовка.

Рыбий жир, затраханый сыр, где дырки, там и головка.

Вот они все разлеглись: прежде всего, просторы, долины великих рек, боры и в них проборы — просеки, блин, дубравы и в них оравы подростков в поисках сладкой грибной отравы.

Объявляют небытие. Все совершенно правы.

"Ему было меньше двенадцати лет, когда..."

Ему было меньше двенадцати лет, когда пионерию наградили – какой-то там юбилей — орденом Ленина. Началась чехарда. Линейки. Поездка в Москву. Очередь в Мавзолей.

Осик ждал, когда всем пионерам раздадут ордена. Не дождавшись, рыдал в углу неделю подряд. Его не волновали коммунизм, страна, целина, все, что он читал – каталог советских наград.

Через год он знал, что орден Ленина – "дед" стоит рублей пятьсот. Драгметаллы, эмаль. "Звездочка" в той же цене. Список подвигов и побед измерялся бумажками. Было немного жаль.

Нет, не денег – иллюзий. Покупка, обмен, обман. Он терся среди барыг. И втерся в круг через год. Ему не мешали ни возраст, ни полупустой карман. И если он делал ход, то это был верный ход.

В семидесятые годы, ощущая сродство тоталитарных режимов, он собирал подряд "советы", "китай" и "наци". В собрание его

было до пятисот разнообразных наград.

В мире он был врач-кардиолог. В кабинете стоял манекен в кителе, сшитом из враждующих половин: слева – звезды, справа – кресты. Вдоль белых стен красовались стенды. Здесь он отдыхал один.

Я там появился однажды по просьбе его отца через год после того, как сына хватил удар. Остаточные явления. Выражение его лица меня поразило. Казалось, он был безнадежно стар.

Отец смотрелся моложе. Он стоял в стороне, следя за ходом осмотра. Зная все наперед. Три еврея. И ценный военный плакат на стене: "Радуйся, фюрер! С тобой немецкий народ!"

"Храм называется ступа. В храме, что в ступе пест..."

Храм называется ступа. В храме, что в ступе пест, огромный каменный Будда один, как перст. На площади несколько каменных черепашьих пирамидою друг на дружке. Чуть левее – скала. Под скалою звенит ручей – прозрачней стекла. До вечера здесь сидит достопочтенный Пак.

Вечером Пак идет в горы, в пещеру, во мрак. В этой пещере живет золотой дракон. Найдешь чешуйку дракона – получишь жену. Так тут добывают жен. Закон суров, но – закон.

Пак заходит в пещеру. Дракон, встречая его, превращается в деву с копною черных волос, наспех заколотых шпильками. На девушке – ничего, кроме халата в узорах из красных цветов и ос, вышитых серебром. Тогда ощущает Пак: все его существо, опустившись в пах, вздымается, выгибаясь, как головы черепашьих.

Но это бывает вечером. А по утрам если заглянешь в ступу (так называется храм), там двое – каменный Будда и достопочтенный Пак.

"Все о том же, о том же, как написала Линор..."

Все о том же, о том же, как написала Линор
Горалик, а ты – напомнила, с этих пор
мысли ходят по кругу,
как угрюмые зэки во дворике вечной тюрьмы.
Время длится в молчании. Мы
все сказали другим, сами себе и друг другу.

Все о том же, прибавлю – все то же, все так же. Вчера
тоже было не легче. Теперь ни черта
в двух шагах не увидишь.
Собирать образа, чемоданы, котомки, вязать узелки,
слушать, как гробовые полки
распевают казацкий хорал или песню на идиш.

Все о том же, все так же, все те же, за вычетом той,
заокеанской, чужой оболочки пустой,
цвета школьного мела.
И душе остается, прикинувшись малышом,
осторожно ползти нагишом
по упругим буграм бесконечного женского тела.

Все о том же, все так же, все тот же прокуренный мир,
заношенный, жалкий, затертый до дыр,

часть пространства, в котором
в проводах золотая пчела высоковольтно гудит.

Из небес треугольник глядит
немигающим, пристальным, царственным взором.

"В день Благовещенья, не выходя из дома..."

В день Благовещенья, не выходя из дома,
разве в лавку, в квартале, за запрещенной снедью,
пачкой "Мальборо", смесью валерианы и брома,
мимо фасада, прикрытого крупной сетью
в ожидании сноса или ремонта. Купол
ближайшего храма в этот день кажется выше
на полголовы. Дождик с рассвета капал,
но подустал и притих. Кот с выраженьем морды "не ваше
дело", вихляя задом, свернул за угол.
Засиженный голубями бюст в полукруглой нише
смотрит пустыми глазами, которыми прежде плакал.

Незримая мама дает указания Маше,
моющей раму, поскольку Маша мыла раму в проеме,
а мама любила Машу, как никто в этом мире и доме.

Машу тоже звали Марией. Как ту, перед которой
ангел с цветущей ветвью стоял, возглашая:
"Радуйся, благодатная! Бог с тобою! До скорой
встречи!" Сухая акация. Шумная стая
грает и метит асфальт известковым пометом.
Ангел стучится к Деве. Она вопрошает: "Кто там?"

Ей отвечает церковный хор и звон с колоколен,
и смеется Младенец: "Разве ты меня не узнала?
Ну и что, что я еще не родился, уж я-то волен
родиться, когда захочу, Отцу сопрестолен.
Се – стою и стучу, как карандашик внутри пенала!"

"Как одиноко город сидит..."

Как одиноко город сидит,
сгорбившись, подобно вдове,
с платком на старушечьей голове!
Ее владенья разорены,
юные дочери осквернены,
был сын, но и он убит.

За острой иглою – белая нить,
саван – прочное полотно,
пусть покроет родную землю оно,
прислонилась к горячему камню щека,
ни плакальщика, ни могильщика,
землю некому похоронить.

Иеремия, ты слышишь, я
плачу с тобой вдвоем,
так рыдают высохший водоем
и проломленная городская стена,
моя столица осталась одна
по ту сторону бытия.

А по эту сторону – два раба,
яма, петля и страх,
недвижный воздух, дорожный прах,

на котором две цепочки следов
да десяток идущих по следу врагов,
а следом плетется арба.

Бугристые, длинные спины волов,
крик погонщика: "Шевелись!"
И хочешь – кляни, а не хочешь – молись,
все равно ни то, ни это не в счет,
и равнодушно вечность течет
поверх склоненных голов.

"Направление и скорость бегства..."

Направление и скорость бегства,
место действия – безразличны,
и спасенье не цель, а средство
пробудиться, как в детских снах.

Обстоятельства так обычны:
пробудишься и, пробудившись,
ощущаешь мышцы, и в мышцах —
кровь, и в каждой кровинке – страх.

По уступам морского дна
мы бежим, запрокинув лица.
Позади гремят колесницы,
и вода стоит, как стена.

Но к стене нельзя прислониться,
и судьба уже решена.

"Семь старцев медленно к Храму идут..."

Семь старцев медленно к Храму идут,
продвигаясь вдоль квартала блудниц,
мечтая остаться вдвоем хоть с одной
из сидящих на корточках у лазов в свои дома.

Тщетно пытаюсь освободиться от пут,
в корзине трепещут семь голубиц,
предназначенных в жертву. Зной
невыносимый, влажный, сводящий с ума.

Проезжает конная статуя с мускулистой рукой,
приветственно поднятой. Многие падают ниц.

Небо намного тверже, чем в День второй.

Перед Храмом толпится разноязыкий сброд.
Слышится пенье левитов. Резкие возгласы труб.
Чуть в стороне над кострами кипят котлы
с жертвенным мясом. Пляски вокруг котлов.

Один подымает лицо. Боже, какой урод!
Другой ухмыляется. Видно, что душегуб.
Это – Божий народ. Бог достоин хвалы.

Бог услышит мольбу. Не разбирая слов.

Всякая лож хранит отпечаток губ,
которые шевелились и были теплы.

Голубиц обезглавят. Старцы умрут в свой черед.
Здание будет разрушено. Кроме одной стены.
Все дороги ведут в тупик. Кроме одной стези.
Девственниц обесчестят. Праведников убьют.
Нечестивцев усадят за праздничные столы.

Говорят, что у нас и волосы на голове сочтены.
Но враг оседлает нас и прикажет: вези!
Куда – известно. В мир, где блудят и пьют,
где кровью полощут рот и мочою моют полы.

Птицы в клювах растащат имя моей страны.
Тысячу лет не вспомнят о том, что свершилось тут.

Бог нашу боль хранит. Все до последней слезы.

"И чего ты хотела, произнося..."

И чего ты хотела, произнося
имя мое, плотно губы сомкнув,
выдувая проклятия, как изделия – стеклодув?
От ладони моей отстраняясь вся,
уклоняясь от ложа, выжидая, пока
семя не выдою собственной рукой.
Превращаясь то в мальчика, то в старика,
я уже не помню, кто я такой.

Оно и лучше. Человек по природе – тлен.
Растлевают и тлеет, о прочем – лучше молчать.
Мужчина вернется в прах, но из праха член
что каменное надгробье будет торчать.
Лишь размноженье способно смерть побороть.
Лучше бы вымерли души, но оставались тела.
Крайнюю плоть во младенчестве взял Господь.
Остальное было твоим, но ты не брала.

Я иду вдоль стены, иногда опираясь рукой
о горячие камни, если шатает вбок.
Толпа во врата впадает пестрой рекой.
Там, за стеной, говорят, обитает Бог.
Там, за стеной, на меня наденут ефод
и драгоценный нагрудник. Выйдя во двор,

я раздвигаю пальцы, благословляя народ.
Ты стоишь среди толпы. И я опускаю взор.

"Ближе к старости, особенно по утрам..."

Ближе к старости, особенно по утрам,
на границе реальности и сновидений,
душа, не овладевшая до конца
собственным телом, пытается шевелиться,
но безуспешно. Трудно отвлечься от дум,

что пора принести покаянную жертву в Храм,
или сделать жизнь порядочней,
чтоб не сказать – совершенней,
и (если не восхвалять) не проклинать Творца,
и, отвратясь от мздоимства,
судить, невзирая на лица,
ибо лица отвратительны. Также и шум,

доносящийся с улицы, не сулит
ничего хорошего. Остановка за малым —
встать, несмотря ни на что, распрямить хребет,
освободить пузырь и кишечник. Благословен
Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной,

сотворивший отверстия в теле. Нет, не болит
ничего, кроме совести. Здесь, над развалом
похоти, любодений, нарушен каждый обет,

каждый устав. В отместку (или взамен) —
годы зрелости нищей и не слишком почтенной.

Ближе к старости по утрам стоишь у окна,
не торопишься отодвинуть ставни, но, прикоснувшись
к засову, медлишь, всматриваясь сквозь щель,
и ничего не видишь, кроме полоски света
и мелькания пятен. Плоский луч разделяет наискосок

сумрак спальни. Искрится пыль. Треснувшая стена
угрожает обвалом в течение века. Зачем, проснувшись,
погружаться в мечтания, отыскивая цель
существования, но находя лишь это
биение, изнутри раздалбливающее висок?

"Разбитые зеркала – это будет потом..."

Разбитые зеркала – это будет потом,
а покуда жены Ершалаима
глядятся в полированную медь,
придающую лицам желтоватый оттенок.
Каждая прядь волос над высоким лбом
сама по себе, недвижима,
и если слишком долго смотреть,
различаешь сеть
голубоватых тончайших веночек
во впадинке у виска;
это вовсе не означает,
что пора увяданья близка,
но все же чуть огорчает.

Известно, что юное тело должно блестеть,
и маслянистые умощенья
покрывали красавицу с головы до пят,
что сказывалось на качестве отраженья,
блистательного в блистающем. Тебя окропят
ароматной водой, настоящей на лепестках
черных роз, и это особый род
мумифицирования тела,
которое по природе – прах,

но на пути к распаду (чему настанет черед)
хотело всего, что благоухало и (или) блестело.

Растление и исление на наречии тех времен —
одно и то же. Похотливое лоно,
открытое всем и каждому, могло оказаться
(вместе с сосцами, которых
каждый мог свободно касаться)
причиной набега враждебных племен,
паденья столицы, плача у рек Вавилона,
пленения, рабства; и даже колонны
в святая святых шатались в такт
колебанию ложа блудницы,
хотя и не каждый грешник смог убедиться
в течение жизни, что это и вправду так.

Медное зеркало нельзя разбить на куски,
его коречат, сминают и втоптывают в грунт,
оно темнеет, покрывается чернотой
и зеленью патины, в которой кроме тоски,
двуокиси жизни, распада, отражается только бунт
первобытного хаоса, оставшегося за чертой
Творенья Господнего. В черный бугристый диск
проваливаешься, как в бездну – глядись не глядись.

"Святая земля состоит из святых..."

Святая земля состоит из святых
вещей, перемолотых в пыль,
замешанную на жирной смазке греха.
По этой тропе ковыляет судьба живых,
калека, опирающийся на костыль,
из которого сыплется труха.

Трудно поверить, что это истинный путь.
Глубже вдыхай полуденный зной, настой
ладана, предательства, клеветы
и немного воздуха, чтоб дотянуть
до прохлады и темноты
и услышать крик часовых и шаги
за городской стеной.

Жизнь прочна и надежна. Враги
покуда на подступах. Подступы укреплены,
ложь и насилие ходят дозором
вдоль городской стены,
взгляд старца,
встречаясь со взором блудницы,
загорается. Белые голубицы
зарезаны и сожжены

на алтарях столицы,
во славу добродетельной и премудрой жены.

"На плоскую крышу дома жертвенный свет луны..."

На плоскую крышу дома жертвенный свет луны
ложится. Он наполняет собою двор,
серебрит без того серебристые кроны древ.
Лежу, запрокинув голову к небесам.

Небеса начинают вращаться. Они вольны
делать что им угодно. Они омрачают взор
слишком внимательный. Они отверзают зев,
бездну, которой Всевышний страшится сам.

Выпирают, клубясь, деревья из-за оград.
Вспоминают дороги тех, кто ушел вчера.
Тяжкий жар вожделения опускается в пах.
Минута – и тело охватывает дрожь.

Глиняный град ступенями сходит в ад.
Над ним нависает Храмовая гора.
Мир преисподней страшен на первых порах.
Звездное небо лжет. И я повторяю ложь.

"Отбросы, обноски, обломки..."

Отбросы, обноски, обломки
образуют культурный слой,
то, что стало костями, черепками или золой;
пронумерованные фрагменты, разложив
рядом (или рядком) на мешковине,
расчистив метелкой из перьев сизых и жестких,
могут собрать, воссоздав, древний сосуд,
который, свое отслужив,
забыл о том, что хранил в сердцевине.

Это о черепках. Что до громоздких
обломков черепа, то они могут лежать спокойно,
пока труба не позовет на Суд
кости, мышцы и нервы; все это послойно
возобновляет тело, которое вознесут
ангелы в райские кущи – по недосмотру, или
бесы утащат в ад – честь по заслугам;
у подсудимой души и у воскресшей пыли
вряд ли найдутся причины
восхищаться друг другом.

Среди прочих находок – медные зеркала,
вернее, остатки их, под патиной отражений,
без остатка поглощающие лучи,

затягивающие, как воронка; вечная мгла
ненасытна, рассеять ее – кричи не кричи —
не удастся. Единственный шанс поправить дела —
действовать надеянием. Не делать резких движений.
Под чернотой непроглядной скрыто лицо твое,
или Твое Лицо. Восстановив черты
посредством работ по времени и металлу,
удается хотя бы немного отодвинуть небытие
и, сотворив молитву, приблизив глаза к овалу,
попробовать убедиться, что это и вправду Ты.

"Дворик, вместившийся в рамах оконных..."

Дворик, вместившийся в рамах оконных
между иконой и белой плитой.
Ветка в пупырышках светло-зеленых,
маленький купол и крест золотой.

Дни за неделю заметно длиннее,
жаль только, годы совсем коротки.
Небо безоблачно – Богу виднее:
дворик, старухи, цветные платки.

Ты, для Себя сохраняющий горстку
старых домов – низкорослых, жилых,
купол, что сверху – не больше наперстка,
не отличаешь особо от них.

Ко Всехскорбященской, что на Ордынке,
сходятся люди – вдвоем и втроем.
Души плывут, как весенние льдинки,
Дух омывает их, как водоем.

Вижу чертог Твой украшенный, Спасе,
но одеяния нет, чтоб войти.
Темные складки души в одночасье

сам, Светодавче, разгладь, просвети.

Нет мне спасения, разве что чудо.

Нынче не шьют покаянных рубах.

Корочкой, словно во время простуды,

ложь запеклась у меня на губах.

"Не лягу спать в одном шатре..."

М. Г.

Не лягу спать в одном шатре
с тобой, Юдифь. Мои войска
(мечи в руках – в глазах тоска)
построились в каре.

Плевать. Я заведу в квадрат
твою страну, ее жильцов,
прах прадедов, тела отцов,
ошметки плоти – всех подряд,
мочащихся к стене,
я завлеку к себе в шатер
всю чистоту твоих сестер:
теперь она в цене.

Пускай растут в утробах их
мои солдаты. Пусть в живых
останутся они.
Пускай издохнут в родовых
мученьях матери. Взгляни —
их нет. Разрой своим мечом
песок. Не думай ни о чем.
Ложись со мной. Усни.

Но молча в раме золотой
ты катишь по траве пятой
подобие мяча,
лицом к толпе, склоняясь вбок,
под тканью выпятив лобок
и груди. Солнце из-за туч
шлет утренний багровый луч
на лезвие меча.

Войнушки

На убитом враге
на одной ноге
стоит дебил-ветеран.
Его голова
торчит, чуть жива,
а член скончался от ран.
Божье имя, поди,
из пустой груди
давно улетело, как вран.

Приветик, Оська! Глядь, впереди
клубится густой туман.
Друг, позарез четвертак, хоть роди!
Шарман, придержи карман!

В глубине двора
войнушки-игра,
калечит себя детвора.

Васька, гребаный в грот,
жует бутерброд,
на нем пузырится икра.

С надеждой глядит советский народ

на острие топора.

Есть еще время идти вперед
и силы кричать "Ура!".

"Удушающий аромат..."

Удушающий аромат
цветущих столетних лип,
лилово-малиново-алый закат.
Крик матери. Детский всхлип.
Черный с желтым китайский халат.
Отчим – тот еще тип.

Бронзовка летит на газон,
забирается в глубь цветка.
Начинается долгий дачный сезон.
Странно, что жизнь коротка.
Странно, она проходит как сон,
как мелькание мотылька.

Говорящий столб. Сообщение ТАСС.
В кастрюльке суп разогрет.
Рукомойник. Эмалированный таз,
поставленный на табурет.
Сколько раз тебе говорят! Сколько раз!
Сколько лет тебе, сколько лет?

И опять пластинка – щелчок, повтор,
повтор и опять щелчок.
Лоза цепляется за забор.

Мать собирает кудри в пучок.

Пластинка крутится до сих пор.
Летит золотой жучок.

"Жили совсем недавно Абрам и Сара..."

Жили совсем недавно Абрам и Сара.
Сара с кошелками возвращалась с базара.
Абрам сидел у окна и читал газету,
передовицу – как поклоняться Сету,
Осирису, Ра, Анубису или Изиде,
как сладко мумии спать в большой пирамиде.

В детстве он тоже мечтал стать мумией. Позже
он приобрел отвращение к черной высохшей коже,
золоченым маскам, расписным саркофагам.
Лучше остаться живым и работать завмагом.

Лучше играть в домино во дворе под сенью
огромного дуба, чем становиться тенью
самого себя, слышать Голос, видеть виденья.

Но Голос звучит, виденья перед глазами
стоят, зачем – не понимая сами.
Тот же Голос, который сказал "Изыди!".
Куда изыди? Правнуки – к той же Изиде,
в страну кирпичей и корзин, откуда
не выбраться, если не будет чуда.

Абрам берет нож, которым резали булку,
кричит в окно: "Исаак! Айда на прогулку!"
И уводит сына вверх по наклонному переулку.

"...Доколе облако не взяло Его из вида их..."

*...Доколе облако не взяло Его из вида их
и не вернуло. А кто же отдаст, если возьмет?
Он пребывает с нами, но их оставил одних
посреди земли, где течет молоко и мед.*

Посреди времен, где с пророком спорит пророк
за верное вечное слово и лучший кусок,
где невинный отрок пускает струю в песок.

Внутри домов, где застит дверной проем
тучный римлянин со щитом и копьем,
где сестра говорит сестре: "Давай поиграем вдвоем!"

На земле, где пока светло, но скоро будет темно.
В душе, где между сердцем и разумом – каменная стена.
"Где, смерть, твое жало?" – Да вот же оно!
"Где, ад, победа твоя?" – А вот и она!

Что ж Ты стоишь и стучишь? Не тревожь мальчика.
Он, руку в карман запустив, изучает свежий "Плейбой".
Дай ему прежде убить и похоронить отца,
а потом он, возможно, пойдет за Тобой.

Мама, можно потрогать золотого тельца?

В пионерском лагере горнист протрубил отбой.

"Стоит корыто, другим накрыто – цинковый гроб..."

Стоит корыто, другим накрыто – цинковый гроб.
Благородный афганский народ победит в борьбе.

Анекдот. "Здесь живет Петя, мать его еб?" —
"Я его мать!" – "Блядь, так мне ж не к тебе
надо, мать твою еб!" – "Мама, к тебе пришли!"

Сынок, тебя призовут, сынок, погоди!

Слишком жарко для водки. Гитара бренчит вдали.
Подонки ходят туда. А ты туда не ходи.

Не отпускай свою память гулять во дворе,
где ходят старик в трусах и женщина в бигуди.
Не пей, сынок, больше не пей, не стой на жаре.
А где же еще стоять с наколкой на груди:
орел, распластавши крылья, несет змею.

На столе помидоры, губчатый хлеб ржаной.

Чумазый мальчишка прячет в кулачке за спиной
серебряную монетку – юность мою.

"При скончании века, на его острие..."

При скончании века, на его острие,
совпадающем в данном случае с острием иглы,
скользящей по черной бороздке, кавалер де Грие
поет о своей Манон. Тополь в виде метлы,

прислоненной к небу, сметает прочь остатки ночных
светил и ошметки своей же листвы заодно.

Звуки ложатся в стопку, как в церквах у свечных
ящичков поминальники. Голгофа входит в окно

черною крестовиной, понуждая звучать
арию как молитву. Шипение, треск, щелчки
придают торжественность голосу, накладывая печать
церковности на историю, в которой сердца толчки

не более чем механика. Работа пружины. Завод.
Ящик красного дерева. Ручка, что в наши дни
напомнит о кофемолке. Вот
мы и остались из всей родни на свете одни,

"Юлий Генрихъ Циммерманъ". Поставщик двора
расстрелянного величества. Тяжелый диск на штырьке,
покрытый зеленым сукном. Рулетка и ломбер. Вчера,

лет девяносто тому, солдат выносил на штыке

на свалку русской истории милую тусклую жизнь
наших прабабок и прадедов. Дачную местность. Сирень.
Однообразный мотив, с которым только свяжись —
не отцепится, не разломив голову, что мигрень.

"Сцепленье, расхождение, сплетенье..."

Сцепленье, расхождение, сплетенье
трех нот в грегорианском песнопенье.

Теченье-лопотание потока,
латыни шелестящая осока.

Здесь символ Агнца видит символ Рыбы,
глядясь в быстротекущие изгибы.

Здесь крест сияет меж рогов оленя,
здесь просит лев: "Прими мои моленья!"

Здесь скалы говорят о твердой вере,
полет голубки – о грядущем веке.

Здесь, пошатнувшись, можно опереться
на что угодно. Жаль, не отогреться.

Здесь яд светлеет, смешиваясь с кровью,
и ангел ставит камень к изголовью.

"И еще, закрыв глаза, представляешь лазурные воды..."

И еще, закрыв глаза, представляешь лазурные воды.
Это лагуна. На берегу небольшой укрепленный город.
Над лагуной облако. Ангелы, словно годы,
медленно пролетают. В церкви тяжелые своды
держатся на молитвах о том, чтобы не постигли
град ни огонь, ни меч, ни потоп, ни голод.
Послушник в белом ползет к прелату. Его постригли.

Между тем противник ведет осаду, запас еды на исходе.
В колодцах вода зацвела. Моровое поветрие у порога.
Но это обычные вещи. Все ведут себя, вроде
ничего не случилось. Девушка-недотрога
ушла с солдатом. Ноги торчат из стога
прошлогоднего сена. Князь заботится о народе.

Все навсегда пропало. Никто не заметил пропажи.
На рынке хриstopродавцы кричат, набивая цену.
На дозорной башне пьют пустые глазницы стражи,
ослепленные за неспособность видеть сквозь стену.

"Средневековье бывает довольно часто..."

Средневековье бывает довольно часто
и длится довольно долго, обычно не совпадая
со временем нашей жизни. Оно бывает уделом
мертвых девственниц, королей, архиепископов, нищих,
продолговатых статуй, слепых от рождения,
в ниспадающих складках, застывших в нишах.

От средних веков остаются сооружения.
Камень на камень наваливается всем телом.

Синагога с завязанными глазами стоит, рыдая.
Рядом с ней улыбается Церковь. Вероятно, от счастья.
Средневековье бывает у мертвых. Нам от этого рая
остается то античность, то Просвещение, то
Возрождение.

Мы строим, мы ходим строим. Под звуки грачиного грая
выносят знамя особо отличившейся части.

Следом за флагом Свобода приходит нагая,
не терпящая послушанья, ни тем более возраженья.

Средневековье в отстое. Возрождение – это круто.
Вот оно опять подступает вплотную к гетто,

где упакованы в прочные стены (брутто)
страх и трепет еврейской души (бесплотное нетто).

"Старик ударами каблука..."

Старик ударами каблука
добивает оскалившегося зверька.
Потом за хвост поднимает тельце
и отбрасывает. Второй негодяй безрук.
На культу насажен железный крюк.
Что еще сказать о его владельце?

Всюду мертвые крысы. В толк не возьму:
всюду мертвые крысы – это к чему?
Не поминай суму и чуму.
Особо чуму. Все равно не услышу.
Лучше вот погляди: покидая крышу,
химера летит головой во тьму.

Пьет вино душегуб, не чувствуя губ.
Льнет к суккубу инкуб, к инкубу – суккуб.
Самцы ревут, покрывая самок.
На кресте собора железный петух
святой розарий читает вслух.

Из вершины холма выпирает Замок.

"Вот Сатана. Он едет верхом..."

Вот Сатана. Он едет верхом
на хромой седой кобылке с грехом
пополам, с погибелью накоротке.
Проезжает узкую улочку. Вдруг
перед ним – река и цветущий луг,
и лодка плывет по реке.

На одной ноге, на самой корме
стоит монах не в своем уме
с горящим крестом в руке.
Он корчит гримасы, поскольку огонь
разгорается, жжет ладонь.
И лодка плывет по реке.

Огромные рыбы всплывают со дна.
В чешуе отражается седина:
бес в ребре, седина в бороде.
В облаках читают псалом чтецы.
Дьявол скачет во все концы,
а лодка плывет нигде.

В небе – Агнец с крестом меж рогов
смотрит вниз. Он видит врагов
соцветьем несчетных глаз.

Он видит всадника и пловца,
пешего, лешего, подлеца,
но прощает – на этот раз.

"Во времени, как и в пространстве, есть святые места..."

Во времени, как и в пространстве, есть святые места.
Места паломничества. Здесь нечестивых уста
в кровь замолкают, припадая к подножью креста.

Здесь капюшон закрывает верхнюю половину лица,
но по излому губ и острому подбородку узнаешь гордеца.
Потом – второго и третьего. И так без конца.

Посмертные судьбы врагов разведены по полюсам:
в пылающий центр земли, к слюдяным небесам,
совершенно безоблачным. Что хуже? Не знаю сам.

Поющие ангелы. Квадратные ноты. Круглые рты.
Ниспадающие одежды скроены из пустоты.
Господи, я взываю к Тебе, но не слышишь Ты

ни моей мольбы, ни его, ни вообще ничьей.
По цветущему лугу бежит звенящий ручей.
У разрушенных врат алебастровый старец со связкой
ключей.

"Улочка слишком узка. Когда из окна..."

Улочка слишком узка. Когда из окна льют нечистоты – не увернуться. В столице дела обстоят иначе. Там повсюду видна рассудительность герцога, да продлится время его владычества! – молится вся страна.

Там вдоль домов – канавы. На каждом доме балкон закрытый, но с круглой дырой в полу. Оттуда вниз низвергаются желтые струйки или слышится стон: кто-то выдавливает экскременты. Ночная посуда там не нужна. О, герцог! О нас позаботился он.

Конечно, по улице ходят посередине, гуськом. Опять же запах. Но лучше с плеском в канаву, чем прямо на голову. Даже мечтать о таком прежде не смели. На площади видишь ораву восторженных граждан. Герцог сидит верхом

на любимой кобылке. Как любимой? Это вопрос. Всякое говорят. Скотоложство – личное дело скотоложца. Пустяк, если вспомнить горбатый нос герцогини, ее большое, должно быть дряблое тело, собранный на макушке узел седых волос.

Закипая, огромное облако заполняет весь небосклон.
Но толпа не расходится. Также и смена столетий
не мешает сброду сбегаться со всех сторон,
чтобы увидеть, как герцог, епископ и некто Третий
посредине площади плотью выкармливают ворон.

"Человек никогда не бывает один. Рядом..."

Человек никогда не бывает один. Рядом
(или, вернее, над) глядит немигающим взглядом
Господь, а в подполье мышью скребет Сатана.
Иногда он выскакивает на пружинке.
Это он, я знаю его ужимки,
да и тень на стене хорошо видна.

Я бросаю в него чернильницей. Мимо!
Он смеется беззвучно, рожи корчит незримо.
По стене растекаясь, причудливое пятно
напоминает опять же исчадь ада.
Сквозь окно доносится бляенье стада,
и вечерний свет наполняет окно.

Городок сжимается, в небо выставив шпили.
Ратуша и Собор. Кто знает, зачем мы жили?
Между Спасеньем и гибелью, как между двух огней.
Между матерью и отцом – духовной и светской властью.
Между бездной и бездной. Между страстью и страстью.
Спит душа. Холодные звезды стоят над ней.

"Если стремишься к Богу, тело само по себе..."

Если стремишься к Богу, тело само по себе удлинится и сужается. В постоянной борьбе плоти и духа черты заостряются. Глаз нам не велено поднимать, чтобы не быть соблазном и себя поберечь. Упругие, нежные груди (если вы девушка) теряются в складках платья.

Страшный суд (сие же последнее буди! буди!) в облаках раскрывает свои объятия.
Пастырь добрый овечку кладет на плечи.
Не плачь! Время ранит, а вечность лечит.

Все это так, но легкий изгиб бедра,
выставленная чуть вперед нога,
улыбка, мелькнувшая на мгновенье,
говорят о том, что на белых ризах добра
можно найти отпечатки пальцев врага.
Тебе понравилось прикосновенье.

И тогда остается сделать последний шаг.
Превратиться в скульптуру. Напоминающие лягушат
ангелы держат герб. Властители в нишах
похожи на нищих духом. Или просто на нищих.

И ты – среди них. В углублень последней стены
последнего храма в стране. Верней – в осколке страны.

"Нет, это не жизнь. Скорей – удачный эскиз..."

Нет, это не жизнь. Скорей – удачный эскиз
неудавшейся жизни. Так, ступив на карниз
и оступившись, с ужасом смотришь вниз

и видишь просторные бархатные луга,
петлистую реку, размывающую берега,
а дальше – края, куда не ступала нога.

А выше – небо, куда не залетало крыло,
где кучевое облако никогда не плыло,
где не светит солнце – и без того светло.

На лугу – теленок. У теленка две головы.
Рядом с овцами мирно пасутся львы.
Мяса не ест никто. Проблема в нехватке травы.

Прозрачную воду не рассекает плавник.
На поплавок не глядит, набычившись, отставник.
Восковой младенец к янтарной груди приник.

Между греком и итальянцем время зажато в тиски,
где рай и геенна как муж с женою близки,
на влажной простыне – черные курчавые волосы.

Умей наслаждаться. Каждый день напивайся пьян,
приводи ежемесячно новую девушку из крестьян,
каждый год четвертуй смутьяна, если найдется
смутьян.

Раз в пять лет выбирайся к герцогу на турнир,
там герцогиня, сидя под лозунгом "Миру – мир!",
дает для храбрости рыцарям рыбий жир.

Теперь – опускай забрало. Скачи, наставив копьё,
сквозь щель любуйся на Даму, ее цветное тряпье.
И если днем победишь, то ночью получишь Ее.

"Это стихи об отсутствии времени. Вот актер..."

Это стихи об отсутствии времени. Вот актер
возлежит на ложе. Вокруг суета: очередная смена
декораций. У столба раскладывают костер.
Костер догорает. Река, голубая, как вена
на локтевом сгибе, течет по холсту слева
направо или справа налево. Непорочная Дева
стоит на центральной площади, удивленно
озираясь. Выставив копья, колонна
нарисованных воинов марширует куда-то,
скорее всего в Палестину. Точные даты
никому не известны. Точное время тоже.
Пепел уносит ветром. Актер возлежит на ложе.

Собственно, есть часы. Солнечные. Но стрелка,
вернее тень от нее, не имеет значения. Ибо
небо затянуто облаками. Цифры написаны мелко.
Читать никто не умеет. Что ж, и на том спасибо.

Лицедей не действует и не имеет лица. Его не станут
хоронить в освященной земле. Но землю и святость
забыли
за пределами декораций. Бумажные розы не вянут.
Их вечной красе не помешает ничто, кроме пламени

или пыли.

"Статуя в нише. Витраж в окне. Пейзаж или портрет..."

Статуя в нише. Витраж в окне. Пейзаж или портрет
внутри заглавной буквы. Все на своих местах.
Перстень, ларец и сердце. У каждого свой секрет.
В перстне – отрава, в ларце – завещание,
в сердце – страх.

В стене за портретом скрывается вход туда,
откуда выхода нет и не может быть.
По сводам стекает мутной струйкой вода.
Высохли кости мои. Боже, как хочется пить!

Пустые глазницы мои заполняет свет.
Воздух в клетке грудной заперт – не продохнуть.
"Этот скелет покоится тысячу лет", —
бормочет экскурсовод. И продолжает путь.

Цепочкою вслед за ним уходят люди в плащах,
кожаных куртках или демисезонных пальто.
Они любят наспех, похмеляются натошак.
Всегда торопятся. Нужно спешить, а то

опоздаешь к отправке автобуса. Около двух
минут займет обозрение страдающего Христа.

Ангел поет хорал. У него абсолютный слух.
Может напеть по памяти или прочесть с листа.

"Домино со стуком вываливают на стол..."

Домино со стуком вываливают на стол
и мешают ладонью. Выстраивается цепочка:
тройка к тройке, шестерка к шестерке, дубль поперек.
Свет неприкрытой лампочки. Дошатый крашенный пол.
Собравшихся накрывает новостями радиоточка.
Из форточки тянет декабрьский сквозной ветерок.

Грядущее шепчет: "Ты сделал неверный ход.
Сына возьмут в Афган. Через месяц он будет ранен,
но останется жив. На протез не хватит монет".
Радиоточка вторит: "Благородный афганский народ...
Преступления, за которые... Подвиг, который равен...
Джеймс Картер... Олимпиада... Другого выхода нет..."

Спиной к играющим женщина возится у плиты.
Неряшливый бритый старик с оттопыренными ушами
прихлебывает из стакана. Ему говорят: "Ходи!"
В темно-синей треснутой вазе пластмассовые цветы.
Из спальни в санузел пробегает ребенок в пижаме
с резиновым олимпийским мишкой, прижатым к груди.

Новостей не слышит никто. И зима за окном
мало кого волнует. Нагреваются батареи.

На жестяном карнизе подтаивает лед.

Существует игра и стаканы с дрянным вином,
которое лучше не пить. А если пить, то скорее.

Варится холодец. Приближается Новый год.

"Глобальное потепление. С каждым днем становится жарче..."

Глобальное потепление. С каждым днем становится жарче.

Дедушка бородатый гуляет в районе Отрады.

И приплывает рыбка: "Чего тебе надобно, старче?"

И дедушка отвечает: "Мне бы немного прохлады!"

"Ишь чего захотел!" – думает рыбка и уплывает в море.

А море размером с лужицу и пересохнет вскоре.

Стоит бородатый дедушка и вспоминает что-то.

Плывет себе рыбка с морской тоскою во взоре.

Но никого не волнует ни старческая забота,

ни тем более рыбкино горе.

Непонятно, какая рыбка – то ли сарделька, то ли ставрида,

то ли мелкая скумбрия, не имущая вида.

Из воды уже показалась затонувшая Атлантида.

Оказалось, там все при деле и всё в порядке.

Ходят легионеры, одетые в плащ-палатки.

Гуляют матроны в туниках, патроны в тогах.

Рассуждают все больше о биополе и биотоках,

левитации, телепатии и гипнозе,
о финикийских стихах и греческой прозе.

Затонувшие корабли плывут по поверхности донной.
На ложе между колонн патрон играет с матроной,
рыбка прячется в тени за колонной.

Прячется за колонной, рыбьего глаза не сводит
со старика, который все не уходит.

Так и высохнет на берегу вместе с морем бывшим,
Атлантиду зачем-то в былые дни поглотившим,
вместе с маленькой рыбкой неясной породы.

Да, господа, потеплело в последние годы.

"Двор с деревянным поясом галереи..."

Двор с деревянным поясом галереи.

Мемориальная доска: "Здесь когда-то жили евреи".

Не бойся, мальчик, это были такие люди,
женщины носили в бюстгальтерах большие мягкие груди,
животы убирали в атласные грации с поясами,
их мужчины гуляли с карманными серебряными часами,
с брелоками на длинной цепочке поверх жилетки.

Целовались с женами, а от этого были детки
в розовых чепчиках и немецких колясках,
а к зиме они подрастали и катались на старых салазках.

Здесь жили прошлые люди, теперь здесь пришлые сбоку.

Тоже живут, слава Богу, тоже детки, нивроку.

Тоже жарят к обеду тугую мелкую рыбку.

В общем, живут и, следовательно, повторяют ту же ошибку.

"надувает мальчик иллюзию страхом смеется..."

надувает мальчик иллюзию страхом смеется
зубастая харя растет на прозрачной резине
весь ужас внутри а снаружи ноль никаких эмоций
вот хармс писал что сегодня продают в магазине

что дают и по сколько в руки и вбогадушу
мать-перемать глаз навывкате дырка навыллет
постройшь домик из кубиков я разрушу не струшу
вот писал мандельштам что не дышать и воздух выпит

ходят хищные слухи продираются сквозь кустарник
в школе учат считать утраты щелкают счеты
остальное неисчислимо у стоек барных
разливают и опрокидывают не бойся что ты

заладил что ты заладил все утрясется
лишь бы бог не забыл о собственном сыне
надувает мальчик иллюзию страхом смеется
зубастая харя растет на прозрачной резине

"При коммунистах здесь был спортивный зал..."

При коммунистах здесь был спортивный зал. В алтаре – душевые и прочее. Справа – "М", слева – "Ж". Потом секретарь горкома сказал, что нужно убрать колокольню. Церковь стала совсем

неузнаваемой, плоской. Тогда же снесли барабан с куполом. Долго чинили крышу. Иконостас вывезли на трехтонке. Комсомолец водитель Иван Федосеев привез иконы домой. Получилось, спас.

Вместе с тестем доски сгрузили и сложили в подвал. "Не нужно возиться с дровами", – Иван говорил жене. Каждый вечер он уходил с приятелем, выпивал. Жена молилась и плакала в тишине.

Пришли румыны. Иван оказался гад, дезертир, потом – полицай. Иконы вернулись в храм. Супруги переселились в одну из еврейских квартир. Каждое воскресенье, по утрам

чинно, под руку, нарядные, шли вдвоем к литургии. На ней был цветной платок. Она преклоняла колени, когда пели "Тебе поем".

Вечером Ваня пил. И, упившись, бывал жесток.

Иногда выходили в кино ("Освобожденный труд" теперь назывался "Камелия"), набирались греха. При входе смотрела в землю, чтобы не видеть труп повешенного заложника. Жизнь все же была неплоха.

"ИЗ ОБЛОМКОВ САМОВЛАСТЬЯ МОЖНО КАК ПАЗЛ СЛОЖИТЬ..."

из обломков самовластья можно как пазл сложить
новое самовластье и дальше верно служить
из фрагментов портрета легко воссоздать выражение
лица
из обрывков мундира можно сшить униформу нового
образца

интересней всего сетка линий соединения швы
как все это срастается образуя целое слышите вы
именно тут возможен разрыв разлад и надлом
плывет возмездье над злом как облачко над селом

дело решает провинция средняя полоса
резвые речки рыхлые почвы смешанные леса
занесенные в красную книгу растения и жучки
высохшие старушки божие старички

дело решает провинция руины монастыря
председатель колхоза вставший ни свет ни заря
бухгалтер щелкают счета впереди годовой отчет
эпоха с печи не встанет покуда не припечет

интересней всего увидеть искаженный облик земли

покрытой крупными трещинами дом который сожгли
интересней всего услышать вой изголодавшегося зверья
интересно надеть все новое сшитое из старья

"Не видно, не слышно тебя. Как ты сумел..."

Не видно, не слышно тебя. Как ты сумел
спрятаться? Так. Стал невидимым, онемел.
А был бы видим – стал бы бледен как мел.

Я и есть кусочек мела в Божьей руке. Несколько лет
крошился на черной доске, оставляя след.
И сейчас ощущаю насквозь проходящий свет.

Лучше взгляни, как разросся незримый град.
Атланты, кариатиды украшают каждый фасад.
Бесплотный, бесплодный сад. Но плоды, сияя, висят,
падают и лежат, выглядывая из травы.
Гипсовые барабанщики, мраморные львы,
прозрачная грива вокруг каждой пустой головы.

Этот бесплотный город – Четвертый Рим,
которого нет и не будет, хотя он есть, но незрим.
На лицо, лишенное черт, не нужно накладывать грим.

И ты погулял бы здесь, только дома ждут,
не садятся за стол, тонкую свечку жгут,
поминая тех, кто со мною остался тут.

"вот и пришел к нам зверь от хвоста до носа измерь..."

вот и пришел к нам зверь от хвоста до носа измерь
настоящий железный на болтах и на гайках зверь
прижми к груди на цепь посади и рядом с ним посиди
рыком рычит криком кричит жрет за ушами трещит
костяная нога золотые рога на лбу роговой щит
посиди рядом с ним от пламени из пасти его прикури
ничего что зверь ты с ним по-человечески поговори
откуда родом какие планы на ближайшие века два три
слушай не бойся что не доживешь не дожуешь
корку отмеренной жизни ядрена вошь
не увидишь пламя бегущее по лесам по бескрайней степи
не узнаешь что зверь не усидел сорвался с цепи

"Вот сказали умер и мощной рукой вознесен..."

вот сказали умер и мощной рукой вознесен
на высоты теперь поди докажи ему что ты не масон
не агент мосада ответ затихающий стон

летит бородатый старик с разинутым ртом
руки раскинул ноги на ширину не важно что будет потом
лучше так чем в глубине кротом на земле скотом

вот господь говорит я вселенную в кулаке держу
ты от страха дрожишь а я от гнева дрожу
за три вины погублю и за четыре не пощажу

вот господь сожмет тебя в ком и бросит тебя далеко
в чужую землю где в черном хором поют сулико
где русский танк грузинскому танку брат где не дышать
легко

где ущелье поток мелеет гремя испаряясь меж валунов
где на самом краю держит спасает ангел детей-шалунов
где разрушенный храм напоминает что мир не нов

раскинув руки раскрыв объяття летит бородатый старик
с кем-то спорит так тараторит сбиваясь на крик

цитирует молитвослов писание сказание патерик

поет акафист канон псалом видит напрягшегося вола
влекущего плуг оратая сеятеля и дела
совершенные ими слышит многоголосие колокола

канонаду возгласы бранные растопыренные пальцы рук
поднятых к небу взмах порождает звук
горестней чем безмолвие осуждения продолжительней
вечных мук

все равно хребет мертвеца или кавказский хребет
все равно облака сахарная вата вязкий шербет
масоны сгорбясь над книжкой твердят свою алеф бет

все равно святая земля или где православный брат
бьет православного брата из установки град
грудь бойца широка поместится много наград

господь говорит раз уж умер лети воспаряя ввысь
раскинув ладони лети на колени не становись
не на что опереться не хочешь молиться так не молись

вот говорит восхищу тебя сожму тебя в ком
а снизу глядят на тебя грозят тебе кулаком
и праведность белизна растекается молоком

"Небо – каменная защита от огненных стрел..."

Небо – каменная защита от огненных стрел.
Барельефы звезд и ангелов рассматривай, изучай
хоть целую прошлую вечность, пока не сгорел.
Тикают ходики, плачет малыш, остывает чай.

Рассохлась скамейка, в ожидании замер двор:
кто выйдет из дома постоять на крыльце,
трубочкой подымить, направляя взор
к тверди, напоминающей о незримом Отце?

На весах Зодиака катаются Близнецы,
рядом плавают Рыбы, набычась, глядит Телец,
щиплет облачко Овен, но Бог годится в отцы
всем, даже если он отчим, а не отец.

Даже если мы нарушаем на каждом шагу
первоначальный замысел вроде Барух а-Шем,
даже если мысль бежит от Него, на бегу
ее остановит. Не даст отдышаться. Да и зачем?

"Темнеет. Земля отдает накопленный жар..."

Темнеет. Земля отдает накопленный жар.
В городе ничего, кроме порушенных стен.
По лиловому небу летит полосатый шар,
в корзине стоит силиконовый манекен.

Жизнь – форма существования синтетических тел.
Военная форма тем лучше, чем пуговицы блестят.
Строй противника краше тем, чем он поредел.
Вдовы прекрасны, поскольку в черном – грустят.

Бойтся Петр – завтра Полтавский бой.
Над верхней губой дергается короткий ус.
Гетман целует флаг желтый и голубой,
Карл кричит с колокольни: "Сдавайся, рус!"

Москвой на французской ладони любитесь Бонапарт,
слушает пение птиц, вспоминает Аустерлиц.
Перед обритым школьником стопка контурных карт.
Найди двести сорок отличий в очертаньях границ.

Из трех сражений, лежащих на одной прямой,
одно находится между двумя. Хорош военный парад!
Трепещут-пестрят знамена с золотой бахромой.

Пушки палят, шарик летит, птички парят.

"У покойного дядюшки Хо в племянниках весь Вьетнам..."

У покойного дядюшки Хо в племянниках весь Вьетнам.
Всех узнает в лицо. Всех знает по именам.
Всех вьетнамцев любит высушенный дядюшка Хо Ши Мин,
как нас любит Господь – во веки веков. Аминь.

Конические шляпы движутся на фоне полей.
Общий труд объединяет, как бумагу конторский клей.
Север с Югом спаяны прочно. Не умеешь жить – не берись.
Отслужил в войсках – можешь дальше выращивать рис.

Белый, пропаренный, по сто грамм в бумажный пакет,
отправленный в СССР для оплаты танков, ракет,
автоматов и самолетов и инструкторов к ним.
Все дороги ведут в Ханой, а не в какой-то Рим.

Еще говорят о вьетнамцах, что у местных самцов
гениталии маленькие и голос как у скопцов,
борода почти не растет – десятка два
волосков с подбородка свисает, отчего голова
напоминает редиску с тоненьким корешком.

Портфелей там не бывает, каждый ходит с мешком.
Встречаются велосипеды. Но чаще идут пешком.
На приветствие отвечают резким коротким смешком.

Также известно, что под нашей землей они
в подвалах и полуподвалах проводят ночи и дни,
шьют полезные вещи для наших детей и внучат,
почти ничего не едят – на машинках строчат.

Их завозят в контейнерах без прошлого, без паспортов,
всюду у них ходы подземные, как у кротов.
Пойдешь в русский лес по грибы, а у грибов теперь
шляпки желтые из соломы, конические; не хошь – не
верь.

Все это лысый полковник-отставник рассказывал нам.
Он лучше знает. Он воевал за Вьетнам.

"Чем больше веришь, тем меньше видишь, и ладно..."

Чем больше веришь, тем меньше видишь, и ладно,
довольно с тебя двух комнаток и прихожей,
второго света, картин на стенах, и то отраднo,
что ангел смерти тоже есть ангел Божий,
правда что сморщенный, черный, с дряблою кожей,
если честно сказать, больше на беса похожий.

А то, что никто не заходит, – так еще веселее,
вроде живешь не в квартире, а в мавзолее.
Телефон зазвонит – черную трубку снимаешь,
говоришь в нее что-то, чего не понимаешь.
На том конце провода – старый друг
лучше новых двух, молдавская сигарета,
жизнь холодна, говорят, дыханьем любви согрета.

И сами мы не подарок, и мысли наши нелепы,
короче детской считалки, проще пареной репы.
А мир за окном прекрасен и воздух прозрачен,
а разум просрочен и навсегда утрачен,
лукав, изворотлив, лжив – невелика потеря.
Даром что видел все, ни во что не веря.

"Ей сто десять лет..."

Ей сто десять лет.
Временами
она чувствует себя одинокой.

Тогда она думает о новом замужестве.

У нее свои принципы:
мужчина должен быть старше женщины
минимум на пять лет.

Это затрудняет поиск.

Но никто не торопится.

"У Фиры лицо доброе, а сердце злое..."

У Фиры лицо доброе, а сердце злое,
собственно, и лицо злое, но не в поверхностном слое,
там, в глубине лица, скрыто нечто такое...

По-библейски Эстер, Эсфирь, по-нашему тетя Фира.
Идет, несет в авоське две бутылки кефира
по тридцать семь копеек, из них бутылка – пятнадцать.
На высокий третий этаж нелегко подняться.
На кефире фольга зеленая, а на ряженке золотая,
как будто нимб, а ряженка эта – святая.

До дома пять минут неспешного хода,
два квартала, как до конца отчетного года.
На углу Фира встречает инженера с молмаслозавода.

Пять минут разговора о том о сем по порядку,
инженер – болельщик, а вчера забили в девятку.
В Кремле открылся пленум, а у мамы язва на язве,
на Пушкинской новая булочная, но за этим усмотришь
разве?

Навстречу Эсфири – Юдифь в платье из китайского
шелка.

В руках у Юдифи черная клеенчатая кошелка,
в кошелке что-то большое, круглое – это, наверно,
кочан капусты. Или голова Олоферна.

""Не хочешь – не надо!" – говорит мама..."

"Не хочешь – не надо!" – говорит мама
и уносит тарелку остывшего супа
на кухню. Скорее всего, подогреет и принесет обратно.
Надо бы сразу съесть. Сопrotивляться глупо.
Но ситуация повторяется многократно.
С утра – детский садик. Средняя группа.

Огромные няни. Гора игрушек облезлых – медведей,
кошек.

Ряд белых ночных горшков за занавеской
зеленой, застиранной, в бывший желтый горошек.
Прогулка по улочке – солнечной, пыльной, одесской.

Открытия в области сравнительной анатомии —
без объяснений.

Рисовать положено море с корабликом или зайчика
на полянке,
или кактус и фикус – весь набор домашних растений,
но мальчики чаще рисуют танк и солдата на танке.

Танки едут в столицу Венгрии или еще куда-то,
куда скажут-прикажут, – солдат рискует разбить коленки.
Все зависит от времени, то есть какая дата

на отрывном календаре, висящем на стенке.

Хороша, заманчива участь солдата:

у него и повидло слаще, и какао без пенки.

"Как река разветвляется в устье, в конце пути..."

Как река разветвляется в устье, в конце пути
жизнь существует в нескольких – трех или пяти
вариантах, как ни старайся, единства в ней не найти.

Женитьба, аборт и все же – рождение детей,
правление диктатора с набором жестоких затей,
святейший владыка – значит, святого святей.

Смена времени, места, бегство, новые берега,
шелестит осока, воспитательница была строга,
при дележке кому-то достался лишний кусок пирога.

Он съел и не подавился, не встал поперек кусок,
зарывается маленький краб во влажный песок,
связан петух, тетка точит нож о брусок.

Вчера несуна задержали на проходной.
Куда ты торопишься? Выпьем еще по одной.
Сын за отца не ответчик – видимо, не родной.

"Тому, кто умер в годах предвоенных..."

Тому, кто умер в годах предвоенных,
откуда знать, что он не дожил до войны?
Тому, кто умер в лагере для военнопленных,
откуда знать, что пленные были освобождены?

Что электроток от колючей проволоки отключили,
вышки снесли, ворота открыли, мертвых отрыли –
ступай,
несчастный, куда глаза глядят, или,
если ослеп, куда ноги несут, но знай:

жизнь всегда бывает до войны, или в минуту
войны, или после – перед новой войной.
И негоже тебе, мужлану, простолюдину,
роптать на того, кто правит твоей страной.

Он, благородный, объезжает коней благородных,
садится к штурвалу птицы сверхзвуковой,
спускается в бочке на дно озер пресноводных
и в морские глубины ныряет вперед головой.

Только мелькнут в волнах розоватые пятки,
мелькнут огромные челюсти, треугольные плавники...

Что же мы не нырнули за ним, подкачали, ребятаки!
Век не видать нам ни воли стальной, ни железной руки.

"Вагончики фуникулера, красно-желтые, еще те..."

Вагончики фуникулера, красно-желтые, еще те,
бельгийские, открытые, на манер дачной беседки,
катают деток на такой высоте,
что с земли не видать, куда укатили детки.

Разве только в бинокль театральный смотреть,
или в трубу подзорную, раздвижную,
разве только медный чайник на примусе разогреть
или купить по случаю машинку "Зингер" ножную.

Плюс керосин в канистре, если отключат свет.
Прикрутить фитиль, чтоб расходовать понемногу.
Плюс приличный костюм в чемоданчике на случай,
если придет ответ
на все вопросы, с которыми обращался к Господу Богу.

"Школьный двор. Как положено, во дворе..."

Школьный двор. Как положено, во дворе
ученики-мученики выстроены в каре,
что полк на плацу. С полками жить – по-полчьи выть.
Мальчики вырастут – будут шпионов ловить,
охранять границы, тюрьмы и все такое,
давать отпор врагу железной рукою,
пить горькую. Забивать косяк на пустыре.
А пока стоят в каре на школьном дворе.
Барабан отбивает морзянку: точка-точка-тире.

Выпускник-дылда идет, глядя вниз и вперед,
у него на плечах первоклассница. Маленький рот
сжат и сосредоточен, передничек с кружевами
поверх платья. Кумачовый плакат со словами
о книге – источнике знаний на серой глухой стене.
Источник знаний течет широко по нищей стране,
впадая в Каспийское море, с Волгою наравне.

Выпускник-дылда идет. Ладони его
придерживают коленки девочки. Ничего,
все скоро кончится. Сияют белые банты
и медные трубы, наяривают музыканты,
им сегодня еще успеть хоронить гэбэшного генерала,

там тоже цветов завались и народу будет немало.
А девочка держит в руке колокольчик, и он
молотит-колотит, в ушах отдается звон.
Директор в военной форме, даром что без погон.

Белые нитяные чулочки. Босоножки, из них торчат
пальчики. Девочке тоже нянчить внучат,
тянуть до пенсии, ставить подпорку
под веревку с бельем, размачивать корку
в молоке, лежать под простыней с застывшим лицом,
рядом с погибшей страной – и дело с концом.

А пока директор толкает про девятнадцатый съезд.
Колокольчик колотит-молотит. Как им не надоест?

"Родство горних сфер и горных пород..."

Родство горних сфер и горных пород
в курсе занимательного богословия за живое берет.
Охромевший архангел, крылатые бунтовщики,
археологические находки, упакованные в ящики.

Руины цивилизации – как царствие внутри нас,
павшее при восстании мощных телесных масс.
Слой жировой возрастает по мере приближения холодов.
Детей приглашают к столу – ужин готов.

Ужин дымится, блюдо стоит на столе, еда
распластана по тарелкам, размазана, как всегда,
по грязной клеенке, крошки лежат на полу.
Се человек. Стекает кровь по челу.

Се человек, потерявший себя в других существах,
сбившийся с мысли, путающийся в словах,
зовущий маму, а мать – вот она, у подножья креста,
рядом с ней ученик, в отдаленье легионеров полста.

Соскребают Художник краску с неудавшегося холста.

"До сих пор ей снится эта старуха и дом..."

До сих пор ей снится эта старуха и дом,
каким он был до ремонта: низкие потолки,
дощатый крашенный пол. Старуха ходит с трудом,
смотрит во все глаза во все уголки.

Желтым ногтем скребет по дну кастрюли, считает ножи,
ложки и вилки – дескать, воля моя.

Ишь, молодая, слова ей не скажи,
дождешься еще, будешь хозяйкой, змея!

В углу икона в киоте, в бумажных цветах и фольге.
Говорит Мария старухе: "Живи, хоть кого-то любя,
хоть ту же кошку, не думай о сыне как о враге!"
А старуха: "Молюсь тебе – и довольно с тебя!

Небось сама с невесткой не прожила и дня,
зажгут лампадку тебе на праздник, споют хвалу,
а ты и рада. Где уж понять меня
тебе, Пречистая! Вот, смотри, на полу

криво лежит ковер, на скатерти два пятна,
посуда не мыта с вечера, с пианино несколько дней
не вытирали пыль. И внучка с утра одна

бегает во дворе, хорошо хоть котенок с ней!"

"вечная жизнь переписана набело без помарок..."

вечная жизнь переписана набело без помарок
она состоит из больших площадей триумфальных арок
мы ее никогда не заслужим это подарок
потому что небо с землей давно миновали и море
обмелело исчезло или исчезнет вскоре
и останутся в воздухе крупные рыбы с тоской во взоре

дети на трехколесных велосипедах многочисленные
предметы

значение которых забыто например сигареты
кент филип моррис баллистические ракеты
в которых мирный атом и подопытные собаки
вместе ждут сигнала атаки

вечность будет стоять на своем и молчать о своем позоре
не вступай с ней в спор она всегда побеждает в споре

"Десять месяцев под землей в забое..."

Десять месяцев под землей в забое,
после смены – как мертвый, а отпуск – в запое,
раз в пять лет – санаторий, а там наверняка
подвернется какая-то баба – то ли
бухгалтер, то ли училка в вечерней школе,
разведенка или жена моряка.
Раз в десять лет на родину к маме: чистое поле,
река, деревушка, церковь – видно издалека.

Как-то раз повалили на площадь толпою,
и он со всеми, не хуже других, ногою
пинал мента – все пинали, и он пинал.
Потом все вокруг загорелось и сразу погасло...

Оказалось – подняли цены на мясо и масло.
По толпе стреляли солдаты. Но этого он не узнал.

"набережная крепостная стена в постоянной осаде..."

набережная крепостная стена в постоянной осаде
превосходящими силами водными сколько ни строй
ресторанов не помогут ни пальмы ни скульптуры в аркаде
сколько ни ставь лотков сувенирных каждый второй
торгует раковинами или высушенными крабами в общем
трофеями в битве с водой за копейки скупают их
под водой тоже много наших но мы не ропщем
земля отдаст своих мертвых океан не отдаст своих

"Перводвигатель неподвижен, но все приводит в движенье..."

Перводвигатель неподвижен, но все приводит в движенье,
говорил Аристотель, светил повторяющееся круженье,
корабля безнадёжное плавание и крушенье,
у прибрежных скал, погруженье обломков на дно
предначертано, предопределено.

И движенье любви неизбежно, неотвратимо,
только то и движется, что любит или любимо.
Только тот, кто не любит и не любим,
неподвижен, неколебим.

Тот, кто любит – себя умаляет, с неба на землю сходит,
глядит не наглядится, с возлюбленных глаз не сводит,
следит за ходом их мысли, за мерным биением жил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.